

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанского

Выпускъ III

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27
1899

Три сказки, записанные въ Колымскомъ краѣ.

Сказка о Памфилѣ.

Былъ Индѣйскій король. Были у него двѣнадцать богатырей, самъ Памфиль тринацатый. Значить подобрались ростомъ недоростомъ (?) (дородствомъ), лицомъ и красотою, волосъ, какъ одинъ человѣкъ. Потомъ, значитъ, по слухамъ есть у короля протуральскаго три вещи: кобель борзой, соколъ златокрылой, конь семиногой. Онъ своему королю говорить,—этотъ самый Памфиль: — Что ваше корольское величество, я поѣду королю протуральному, похвастать поѣду, эти три вещи возьму у него, хотя онъ въ честь даетъ и не въ честь даетъ.—Да,—говорить,—господинъ Памфиль, много разъ доступали эти вещи, не могли доступить. Тебѣ ли доступить?—Хорошо. Ну, однако сто Памфиль наперъ, сто поѣду,—говорить,—я.—Ну, король, значитъ, всѣ-таки какъ конечно надумалъ ѿхать, даетъ ему иѣсколько тысячъ войска. — Не нужно, ваше корольское величество, ваше войско; ваши труды втунѣ пропадутъ; а лучше, есть у меня двѣнадцать боевыхъ товарищѣй, я самъ тринацатый,—достаточно,—говорить.—Снарадился, этихъ двѣнадцать своихъ товарищѣй (забралъ), самъ тринацатый, обострѣлись, взяли орудія всякия, взяли шатры, пали на коней, поѣхали въ городъ. Недалеко разстоянія отъ городу до городу, прїѣзжаютъ къ этому протуральному королю. Недоѣзжая его городу, стоять за городомъ садъ. У этого саду вечеромъ поздо всѣ они остановилися и поставили тринацать шатровъ, бѣлыхъ, полотняныхъ. Преспокойно люди нихто въ городѣ не знали, они какъ поѣхали, расположились спать. Поутру стаетъ король, выходитъ до вѣтру на крыльце и смотритъ черезъ заплотъ, и увидаль эти сатры и удивляется надъ этими сатрами. — Что такое, откуль такое приступленіе и сдѣлалось, откуль этакіе шатры незнамые? Неужели изъ какой земли приступленіе дѣлаютъ?—разсуждаетъ, стоять. Обратился назадъ въ свой чертогъ, послать своего министра думнаго спросить, именно каки они люди? Цари-ли царевичи, короли-ли королевичи или сильные могучіе богатыри, или изъ какихъ земель грозный посолъ, или на моихъ дочерей свататься? — Сейчасъ обратился министръ, перевернулся къ этимъ шатрамъ. Всѣ стоять рядомъ, Памфиловъ передній,—на него и патакался прамо. Спрашивается у него Памфиль: — Што зачѣмъ ты пришелъ? — Онъ ему отвѣчаетъ: — Царь протуральскій осмѣялся спросить: кто вы такие, царь-ли царевичи, король-ли королевичи, или сильные могучіе богатыри, иль изъ какихъ земель грозный посолъ, или на моихъ дочерей свататься? — Рѣчь кончилъ министръ, онъ сейчасъ хлестнуль его въ щеку и въ другую. Отвѣчаетъ ему Памфиль: — Отвѣчай ты своему королю протуральному: я ни царь ни царевичъ, ни король королевичъ, ни сильные могучіе богатыри, ни изъ какихъ земель грозный посолъ на его дочерей свататься. Вы однако, слыхали,—говорить, что я сущій самый вотъ Памфиль и прїѣхалъ у тебя три вещи взясти: кобеля борзаго, сокола златокрылаго и коня семиногаго. Такъ и кланься! — Приходитъ, обращается министръ своему королю Протуральному и объясняется, что онъ это ему наказалъ. Собираеть онъ весь свой сенатъ и сочиняетъ совѣтъ, что будемъ дѣлать, что такое приступленіе хотятъ дѣлать. Потомъ сколько совѣтъ у нихъ былъ, никакое приложеніе не могъ сдѣлать. Этотъ самый министръ ему и присовѣтовалъ, что, ваше царское величество, вотъ какъ сдѣлаемъ: выборнимъ землю и изловимъ ихъ родѣ западневъ и закроемъ ихъ сверху и хрущатымъ пескомъ засыплемъ. Куды онъ долженъ дойти? — Значить сенатъ и король на его мнѣніе положиль такъ сдѣлать. Сейчасъ распорадились, надѣлали западни, наспущали ихъ по этимъ западнямъ и засыпали ихъ хрущатымъ пескомъ. Ну,

сохранили; дѣло это осталось до вечера, до положенного врема ложиться спать, въ городу улеглися. Тамъ онъ, значитъ, разузналъ по часамъ, какъ ему врема собираться.—Что,—говорить,—товарищи, коней захватайте и засѣдайте, пойдемъ королю гости.—Товарищи его, значитъ, что онъ приказываетъ, все исполняютъ, какъ онъ надъ ними старшій.

Сейчасъ коней поймали и обсѣддали. Пали на лошадей, прѣѣхали самой дворъ. Стоялъ часовой. Онъ сейчасъ съ лошади спустился. Нѣкакъ ему воротами войти. Черезъ заплотъ перелѣзъ. Сейчасъ тотъ разъ вытащилъ пистоль, часовому хлопъ, пуль въ лобъ, и убилъ его тутъ.

Ворота отперъ, сотоварищѣ своихъ всѣхъ впустилъ: вѣзжайте, сотоварищи! Сталъ ходить по двору; ходилъ и ходилъ, узналъ, гдѣ конь семиногой, какъ плонулъ. Сказалъ:—Што ребятушки, ройте, копайте, здѣсь конь семиногой. Сейчасъ товарищи его вырыли эту западню и достали коня. Потомъ походилъ по двору и узналъ, гдѣ кобель, борзой западнѣ. — Что,—говорить,—здѣсь копайте! — И товѣ вытащили. Потомъ походилъ по двору и нашелъ, гдѣ соколь златогривой, и его достали. — Ну, сто ребятушки, мои сотоварищи, намѣреніе было украсти эти три вещи, — мы ихъ достали. А какъ же мы должны такъ Ѳхать? У короля во дворѣ погуляли, а у самова не побували. Ну,—говорить,—вы ребятушки меня здѣсь подождите, а я схожу къ королю, что онъ,—говорить,—дѣлать, чѣмъ занимается? И пошелъ по всѣмъ заламъ, послѣдній кабанеть пришелъ: въ сторонѣ спальня. Само у дверей свѣтъ горитъ; само у дверей сидѣть сказельникъ сказывать королю, въ тотъ разъ само угодилъ. Тотъ разъ, значитъ, сказельникъ хотѣлъ скричеть, не успѣлъ скричеть, онъ тотъ разъ щелкнулъ его въ лобъ и убилъ его сразу. Сидѣлъ сказельникъ на сохвѣ, онъ сейчасъ сказельника подъ сохву, на то мѣсто сялъ самъ. Тотъ разъ, значитъ, король усынаетъ, вдругъ какъ тамъ что сселкнуло, онъ пробуждается.—Чего,—говорить,—ты не сказываешь? Ты борошь плату.—Да что,—говорить,—ваше царское величество вы заснули, я,—говорить,—замолчель. Што,—говорить,—ваше корольское величество, я вамъ новую сказку скажу. — Ну, сказывай! — Ладно. — И стала онъ сказывать про себя самъ, какъ прїѣхалъ, какъ министръ булъ, какъ вещи укралъ, все сказывать, а король дремлетъ, ему все не въ память. Наконецъ товѣ король крѣпко уснулъ, онъ вышелъ, пришелъ своимъ сотоварищамъ, прїѣхалъ своимъ шатрамъ. Шатры скатали, склали на лошадей, тамъ побѣжали своему королю и эти вещи у нихъ съ собой. По утру король всѣ въ городу стали, хватилися, западни всѣ вырытыя и вещи нѣту. Сто будемъ дѣлать? Король опять весь свой совѣтъ собралъ, что Памфиль эти три вещи укралъ. Войско послать, страженіе дѣлать, только.—Этотъ министръ говоритъ:—Нѣть, ваше царское величество, напишите лучше почту королю индѣйскому, что вотъ дескать вашъ человѣкъ мои вещи укралъ, пусть предоставить; а если не предоставить, тогда можно страженіе дѣлать.—Сейчасъ король, значитъ, на его мнѣніе опять дался, сейчасъ почту написать, направлять. Король индѣйскій получилъ почту.—Твои люди Ѳздили, вещи обратить! а если не обратите, то стражаться будемъ. Принялъ почту и читаетъ. Тотъ разъ Памфила не былъ. Вдругъ является, входить въ его кабинетъ.—Да что,—говорить,—ваше царское величество, что это читаешь?—Да вотъ,—говорить,—что послано отъ короля протуральского, посмотрите, что написано.—Взяль съ его руки, осмотрѣлъ бумагу. Сейчасъ на той бумагѣ на оборотѣ отписывается:—Моего короля не задѣвай, онъ не причемъ. Я у твоего короля булъ, самъ Ѳздиль, самъ укралъ три вещи, самъ буду, съ тобой расплачуся. Только не назначиль, которо врема ему быть, какой день. Тотъ, значитъ, обращается назадъ. Значитъ, король запечалился.—Ахъ,—говорить,—Памфиль, теперь ты пойдешь, живъ не будешь; а возьми лучше нѣсколько тысячъ войска.—А не нужно, ваше царское величество; попустому избить. Которые мы Ѳздили, тѣ же самые мы и пойдемъ. — День сподоблялись, и другой и третій, выѣхали, пойхали къ этому королю протуральному, гдѣ они первый разъ останавливались саду; томъ же мѣстѣ остановились. Нихто ихъ не видаль и не слыхалъ, вечеромъ поздно тоже и разставили тринадцать шатровъ бѣлыхъ полотняныхъ. По утру король стаетъ, выходить до вѣтру, смотрить черезъ заплотъ, опять усомнился: хто такие? Царь-ли царевичъ, король-ли королевичъ, или сильные могутъ богатыри, или изъ какихъ земель грозный посолъ,

или на моихъ дочерей свататься? Приходить этотъ министръ, на него же опять нападался. Спрашивается: — Чего министръ, почему пришелъ? — Отвѣчаетъ: — Король протуральскій осмѣляется спросить, кто вы таки: — Царь-ли царевичъ, король-ли королевичъ или сильные могучіе богатыри, или изъ какихъ земель грозный посолъ, если на моихъ дочерей свататься? Какъ объяснился, сейчасъ Памфиль его въ щеку иль другую. Клаялся, министръ, своему королю дураку: я ни царь ни царевичъ, ни король ни королевичъ, ни сильный посолъ на его дочерей свататься. Я тотъ самый сущій Памфиль, что три вещи укралъ, пріѣхалъ эттѣа съ тобой расплатиться. — Вотъ какъ похвастыватъ. Ушелъ, своему королю, объяснился: — Что, — говорить, — я тотъ самый сущій Памфиль, который три вещи укралъ. — Что же дѣлать, что же дѣлать, что же дѣлать? — Стали совѣтуватъ, стали совѣтуватъ, стали совѣтуватъ. Войско послать — что значитъ они сами на себя каку надежду имѣютъ, войско не состоить. Что же дѣлать? Какой предлогъ? Стали совѣтуватъ. Этотъ же министръ тоже даетъ ему совѣть: — Ваше корольское величество, вотъ что сдѣлаемъ: у тебя есть три дочери. Пусть твоя старшая дочь сдѣлается, какъ именинница и позовемъ ихъ на завтрашній день на закуску, не можетъ-ли она его прознать. — Она була знатливая. — Больше никакое мнѣніе не могу признать. А только такъ возможно, какъ бу его прознать и захватить. Король на его мнѣніе положился, такъ-то и сдѣлалъ. Сейчасъ, значитъ, по утру встаютъ, собираются со всѣхъ сторонъ съѣздъ и министръ, значитъ, пошелъ по этихъ людей. Объясняется: — Просить васъ корольская дочь, — сегодня день анделя ея, — поздравить! — Хорошо, съ полнымъ удовольствіемъ сейчасъ ёдемъ. Што, ребатушки, хватайте лошадей, обсѣдлайте, — нась въ гости зовутъ! — Сотоварищи сейчасъ лошадей поймали, обсѣдлали, разное вооруженіе, какое було, похватали, пали на лошадей и пріѣзжаютъ прамо во дворъ. Спустились съ коней, коней не связали и не приказали, пустили на волю. Сами обращаются, входятъ. Сейчасъ принимаютъ, стрѣчаютъ ихъ, садятъ ихъ всѣхъ ширинкой рядомъ, а онъ, значитъ усѣлся въ самое стредину. Это сейчасъ дѣвушка и стала угощать. Разъ обнесла, не могла прознать; третій разъ, значитъ, обнесла и признала, что онъ въ самой серодкѣ сидѣть; четвертый разъ черезъ его плечо стала подавать и успѣла на затылокъ серебраной волосокъ приплести. Онъ не слыхалъ и товарищи не видали. (Вотъ ужъ хитра!) Нѣсколько врема сидѣли, бесѣдовали, потомъ стали изъ-за стола, Богу помолились, хлѣбу-солю поблагодарились, сяли по мѣстамъ. — Сто, господа, можно-ли до вѣтру сходить, провѣтрить самыхъ себя. — Да можно. — Сейчасъ вышли всѣ тринацдцать человѣкъ. Вошли во дворъ и за дворъ. Говорить имъ Памфиль: — Что, ребатушки, посмотрите меня на округъ, нѣть-ли какой примѣты? — Сейчасъ товарищи на него взглянули, нашли у него на затылкѣ серебраной волосокъ приплетенный. — Да, — говорить, — есть на тебѣ замѣтка, чего прежде не бувало, серебряный волосокъ. — Это, — говорить, — ребатушки, пустое. — Взять по головкѣ ихъ погладилъ: у всѣхъ по серебраному волоску. Сейчасъ обратилися, вошли, сяли по мѣстамъ, пенковая трубки попыхали. Сказали, что можно расходиться. — Да, можно, — говорить. Что, — говорить, — другъ любезный, котораго ты признала, подходи-ка. — Сейчасъ дочь подходитъ и говоритъ имъ: — Что, господа, — говорить, — станьте всѣ рядомъ, я васъ осмотрю. Сейчасъ со свѣтомъ посмотрѣла: у всѣхъ по серебраному волоску. Потерала. Какъ она его найдеть! — Да, — говорить, — папаша, хотя я его и признала, а онъ, значитъ еще мудронѣе меня. — Сейчасъ это середняя дочь говоритъ: — Что, — говорить, — господа, я завтра именинница, просимъ покорно! — Хорошо, — говорить. — За кресты и вонъ пошли. Сейчасъ вышли, пали на лошадей, пріѣзжаютъ къ своимъ шатрамъ; лошадей разсѣдлали, отпустили, сами расположились на спокой. По утру стали, врема настало, сейчасъ стали съѣзжаться, собираться. Послали ministra. Говорить: — Врема настало, просить васъ корольска дочь побесѣдововать. — Хорошо, сейчасъ. — Сейчасъ лошадей товарищи обсѣдлали, всю свою скрую собрали, пали на лошадей и пріѣзжаютъ ко королю во дворъ. Спустились съ лошадей, лошадей не приказали, не связали. Входятъ. Эта именинница ихъ и стречать, эта дѣвушка. Садятъ ихъ опять рядомъ ширинкой. Онъ, значитъ, между двумя человѣками третій на краю сяль. Эта дѣвушка стала онять ихъ угощать. Разъ обнесла, два обнесла, третій разъ его узнала, что гдѣ онъ. На четвертый разъ черезъ него понесла подавать и на тотъ разъ успѣла на самое чимо золотой волосокъ приплести. Онъ не слыхалъ и товарищи не видали. Нѣсколько врема

они бесѣдовали, бесѣдовали, потомъ, значитъ, стали изъ-за стола, Богу помолились, хлѣбу-солю поблагодарились, сѣли по мѣстамъ.—Ну, что робатушки, нужно до вѣтру сходить!—Сейчасъ вышли во дворъ и за дворъ.—Што, робатушки, посмотрите на меня иѣть-ли какой примѣты на мнѣ?—Товарищи сейчасъ зглинули на голову, увидѣли: на головѣ золотой волосокъ приплетенный.—Да, говорить,—есть у тебя замѣтка, золотой волосокъ приплетенный.—Это,—говорить,—робатушки, пустое.—Взялъ, по головкѣ ихъ погладилъ, у всѣхъ по золотому волоску. И назадъ обратились. Сали по мѣстамъ, трубки пенковы попыхали.—Нутка что дочка любезная, подходитъ, котораго ты признала. Сейчасъ подошла,—сидѣть всѣ рядомъ,—глаза обвела да, у всѣхъ по золоту волоску.—Да,—говорить,—батюшка любимый, признала да не совершенно. Я мудрена, а онъ еще мудронѣй.—Ну, значитъ, пали на лошадей, пріѣхали къ своимъ шатрамъ, лошадей распустили, сами расположились. Сейчасъ дочь младшая подходитъ.—Что батюшка любезный, пускай завтрашняго числа я именинница; созвемъ ихъ.—Ну,—говорить,—дочь любезная, постарайся! Ты не признаешь, намъ никакъ его ни понять.—Поутру, значитъ, эта дѣвушка обострѣлась, такое мнѣніе положили, что севодни день ейнаго анделя. Созвали съѣздъ, собрали сборъ, сейчасъ посылаютъ этого самого ministra. — Корольская дочь, сегодня день ея анделя, поздравить, побесѣдововать.—Сто же, товарищи мои, можно-ли ъхать?—Ну,—говорить, твоѳ какъ мнѣніе.—А не ъхать нельзя. Они своей хлѣбомъ солемъ не дорожатся, и мы какъ умомъ станемъ дорожиться. Ъхать надо, отказатьться нельзя.—Сейчасъ товарищи коней поимали, осѣдлали, всю сбору собрали. пали на лошадей и пріѣжаютъ ко королю во дворъ. Спустилися съ лошадей, коней не связали, не приказали, воходять. Стрѣчаеть ихъ дѣвушка съ честью и съ радостью. Сейчасъ сидѣть ихъ рядомъ. Опъ сѣль на край, на послѣдній стулъ. Значитъ, дѣвушка (въ) первой пошла отъ нутреннаго конца, до дверей дошла, сразу его признала, что онъ, значитъ, на послѣднемъ стулѣ сидѣть. Какъ разъ какъ плюнула. Разъ обнесла, второй разъ обнесла и въ третій черезъ его плечо стала подавать и успѣла тоненьку булавочку подъ рубашеной воротникъ подсунуть. Что онъ не слыхалъ, товарищи не видѣли. Нѣсколько времени бесѣдовали; отбесѣдовали, стали изъ-за стала, Богу помолились хлѣба-соли поблагодарились, разговоръ поимѣли. Сякое разное. Вышли во дворъ и за дворъ.—А что, робатушки, посмотрите на меня, иѣть-ли какой замѣтки?—Стали смотрѣть, стали искать, чисто ничего найти не смогутъ. А онъ знаетъ, что есть замѣтка.— Ну,—говорить,—робатушки, знаю, что есть замѣтка на мнѣ; только незнаю а-гдѣ. Ну,—говорить,—робатушки мои, тепера, значитъ, я попался; меня,—говорить,—захватаютъ и сразу меня посадятъ въ тюрмищу. Завтрашній день меня будуть казнить; а я—говорить,—васъ оправдаю. Я,—говорить,—васъ оправдаю. Вы,—говорить,—поѣзжайте. шатры скатайте, уѣдьте, дальше этого мѣста есть садъ, тамъ расположитесь, сатры раскиньте, коней распустите, сами расположитесь на розыхъ. Завтрашнаго дня числа въ такомъ-то часу слушайте: можетъ быть въ двѣнадцать часовъ для счастя моего заиграютъ въ рожокъ. Заиграютъ,—говорить,—въ рожокъ, въ тотъ разъ вы коней поимайте и и обсѣдлайте. Второй разъ черезъ короткое времѧ заиграютъ въ рожокъ, вы,—говорить,—садитесь на лошадей, пріѣжайте подъ самый городъ заплотъ. Потомъ,—говорить,—слушайте, можетъ, третій разъ заиграютъ во рожокъ, вы,—говорить,—перескакивайте черезъ заплотъ. Кто,—говорить, вамъ попадется, сѣките и рубите и палите (Значитъ все тутъ у нихъ будетъ). Тотъ разъ я сумѣю, что сдѣлать тогда; только не робѣйте.—Хорошо. Значитъ вошли, сали, нужно расходиться.—Ну что,—говорить,—другъ любезный, котораго ты признала?—Сейчасъ она глазъ обвела, признала его и на него плюнула. Сейчасъ король подходитъ:—Ты-ли,—говорить, Памфиль?—Я-то и есть самой сущей.—Ты-ли, говоритъ,—три вещи у меня укралъ?—Да.—Сейчасъ его захватали.— Ну что, ваше корольское величество, я передъ вами виноватъ, воля ваша власть, что хотите, что знаете, изъ меня дѣлайте. Но только товарищевъ моихъ распустите. Они невиновны ни къ чему; я надъ ними старшій, что прикажу, то и дѣлають. Ты надъ своимъ сенатомъ тоже старшій, что прикажешь, то и дѣлають; тоже и я.—Тутъ разсудили:—Да, дѣйствительно такъ; можно ихъ и распустить.—Сейчасъ онъ съ ними распростился на вѣчную жисть. Товарищи его пали на лошадей и поѣхали; а его значитъ, забрали въ тюрьму. Товарищи его сейчасъ пріѣхали въ садъ, шатры сняли, ска-

тали; уѣхали. Пріѣхали на то показанное мѣсто. Сейчасъ лошадей роспустили, шатры поставили, расположились на спокой. Утро, день сталь, собрать вѣсъ свой сенать, дѣлаетъ предложеніе, какую же ему смерть, казнь доспѣть? Не могли сказать, предложенія сдѣлать, каку ему смерть сдѣлать, каку касть. Этотъ министръ и говоритъ:—Ваше царское величество, надо у него спросить, какую онъ себѣ смерть, касть желаетъ, ту и предадимъ.—Такъ-то и есть можно спросить. Поди же ты, министръ, спроси же у него, какую себѣ смерть пожелаетъ. — Сейчасъ министръ подходитъ къ оконечку и называетъ его:— Памфиль?—Я за него. Что тебѣ нужно?—Король объясняется, осмѣливается у вѣсъ спросить, какую себѣ смерть, касть желаете? Ту и предадимъ.—Если король объясняется, спрашивается, какую смерть касть,—благодаренъ считаюся. Я объяснюсь. Клянусь королю протуральскому и сказывай:—Очень я благодаренъ и очень я радъ. У себя,—говорить,—во дворцѣ среди двора пусть поставить столбы золотые и пусть повѣсить петлю золотую, вторую рэль пусть поставить столбы серебряные и повѣсить петлю серебраную, третью рэль, столбы були бы простые, петля пеньковая. Желаю я на трехъ казняхъ казниться. Первая рэль не удѣржть, вторая и третья удѣржть меня.— Ну, хорошо. Приходитъ министръ, объясняется своему королю. Сейчасъ распорадились сдѣлать три казни, три рэли, по его словамъ сейчасъ исправили, какое врѣма сейчасъ пошли, вывели его изъ тюрьмы. Ведутъ его на первую рэль на золотую, онъ не говоривши ни слова, ни рѣчей, идетъ къ рэли и не остыдившись, восходитъ на лѣстницу; три ступени ступилъ, и сказалъ:—Ваше царское величество, лишенія бѣла свѣта позвольте на одну просьбу мою. Когда я молодъ булы очень, очень я охоту имѣлъ. Позвольте меня стаканъ меду подать, рожокъ заиграть. Кого люблю, того рожкомъ подару.—А некогда, — говоритъ, — тебѣ Памфиль врѣма провождать и игру сочинять. Ступай, куда принадлежитъ.—Стала старшая дочерь просить:— Батюшка, пусть играть, кака есть игра, въ рожокъ, а мы послушаемъ. Теперь онъ въ нашихъ рукахъ; куда же долженъ онъ сбѣжать?—Не гля онъ Памфила, а въ уваженіе дочери позволилъ онъ ему сыграть во рожокъ. Сейчасъ поднесли ему стаканъ меду. Вышилъ вытащилъ изъ карману рожокъ и заигралъ и такъ заигралъ, что по всей сендухѣ¹⁾ разнеслось. Такъ этимъ дѣвшукамъ эта пѣсня поглянулася. Ахъ, думаютъ, кабу онъ поиграть больше. Ну поигралъ, пересталъ. Товарищи его коней поимали, обсѣдвали. Потомъ передъ на три ступени ступилъ, опеть остановился.—Что ваше царское величество, уважьте мою послѣднюю просьбу, прикажите стаканъ мёду подать и въ рожокъ заиграть. Кого люблю, того рожкомъ подару.—Некогда тебѣ, Памфиль, врѣма продолжать, игру сочинять. Иди, куда принадлежитъ. — Сейчасъ это середня дочь стала просить:— Батюшка, не гля его, а гля меня пусть играть. Онъ теперь въ нашихъ рукахъ. Куда уйдетъ?—Не гля Памфила, гля пусть играть. Онъ теперь въ нашихъ рукахъ. Проигралъ игру, а дочери уважилъ. Подали ему стаканъ меду и въ рожокъ заигралъ. Проигралъ игру, а товарищи услыхали, пали на лошадей, подъ самой подъ заплотъ пріѣхали въ городъ. Нихто ихъ не видаль. На послѣднюю ступню ступилъ, остановился:—Что ваше царское величество, хочу проститься съ бѣлымъ свѣтомъ, со всѣми вами, съ друзьями пріятелями (въ) послѣдній позвольте рожокъ поиграть. Кого люблю, того рожкомъ подару. Не гля (въ) послѣдній позвольте рожокъ поиграть. Кого люблю, того рожкомъ подару. Не гля уваженія Памфила, гля уваженія дочери.—Ну, дочь любезная, для тебя, какъ ты есть уваженія Памфила, гля уваженія дочери.—Умножился нородъ во дворѣ, великъ, широкъ, сталъ полонъ. Смотрать этта признала.—Умножился нородъ во дворѣ, великъ, широкъ, сталъ полонъ. Смотрать этта на него, какъ онъ казниться станетъ. Поднесли ему стаканъ сладкаго напитку; вышилъ рожокъ досталъ, заигралъ. Только заигралъ, товарищи его перескочили заплоты, эту армію вѣдавай скѣти и рубить. Только крикъ и ревъ пошелъ. Король испужался, что такое, вѣдь всѣхъ мѣстахъ люди кричатъ. Онъ сей часъ съ рэли спустился. Тотъ разъ онъ скочилъ рэли. Король услыхалъ такой крикъ, онъ растерялся. Между тѣмъ Памфиль подходитъ къ нему.—Что ваше корольское величество, что ты стоишь? Послушай-ка, какъ хои воробы твою синицу стали клевать.—Закричалъ онъ такимъ страшнымъ голосомъ:—Эхъ, робаты, мои воробы, подѣзжайте ка сюды!—Товарищи его услыхали, подѣхали.—Эхъ, робаты, мои воробы, подѣзжайте ка сюды!—Товарищи его услыхали, подѣхали.—Ну, спущайтесь съ лошадей, короля вѣшайте на золоту рэль, королевиу на серебраную. Ну, спущайтесь съ лошадей, короля вѣшайте на золоту рэль, королевиу на серебраную. Ну, спущайтесь съ лошадей, короля вѣшайте на золоту рэль, королевиу на серебраную. Ну, спущайтесь съ лошадей, короля вѣшайте на золоту рэль, королевиу на серебраную. О, сейчасъ это дѣвушки его на округъ захватали, стали со министра на пеньковую.—О, сейчасъ это дѣвушки его на округъ захватали, стали со слезами его просить, что не вѣшать, ни казнить,—ну, хорошо дѣвушки, развѣ для васъ,

¹⁾ Поле, пустыня.

выпросите. И, дѣло приходилось, вы тоже упрашивали, и я вѣсъ тоже уважу, только не такъ. Што ваше корольское величество думаете, я сейчасъ то округу твою всю по-плѣню, духу вашего не будетъ. Жаво съ тобой распорадюся. Наставлю своимъ воробымъ прамо синицу всю исклевать за то, что ты поступилъ со мной не честно. Ну, съ тѣмъ соглашуся, дай мнѣ такое заключеніе, запись, пойдешь-ли въ подданство. Если пойдешь, дай мнѣ заключеніе запись, я предоставлю её своему королю Индѣйскому. Будешь-ли платить каждой годъ моему королю индѣйскому по мильёну въ годъ. Если дашь заключеніе, то не буду тебя плѣнить, а не дашь, сейчасъ, — говорить, — исплѣнию. — Ну, подумалъ, подумалъ король Протуральскій, что никакой огненный бой готовой нѣтъ,ничто не обостржено, — исплѣнять. Что лучше же идти въ подданство, дасти такое заключеніе—каждой годъ по мильёну въ годъ. Даль заключеніе письменное платить, посыпать каждой годъ по мильёну, взять всѣхъ въ одинъ кругъ, подданство заключилъ и все положилъ мнѣніе, дань отобралъ. Оставилъ ихъ. Садятся на лошадей, були да пѣту. Пріѣзжаетъ королю индѣйскому, что цѣло царство на кругу подъ подданство привелъ. Съ этой радости царь выдалъ за него дочь и послѣ его смерти долженъ онъ быть ему наследникомъ. Конецъ.

Записано въ Похазской деревнѣ по рѣкѣ Колымѣ отъ мѣщанина *Ивана Кузакова.*

Д и в о.

Жиль былъ московскій купецъ и захотѣлъ онъ побѣхать въ иностранскіе города, за далекія моря свой товаръ показать, и чужой товаръ накупить.

Було у него три дочері и жена. Одна дочь говорить.—Привези маѣ, батюшка, гостинецъ: золото кольцо на мизинецъ! Другая говорить:—привези мнѣ, батюшка, сдѣлай ласку, золоту парчеву повязку! — Третья дочь говорить:—привези мнѣ, батюшка, обновку, шелковой платокъ на головку,—а жена говоритъ:—привези мнѣ диво. Побѣхалъ онъ, пріѣхалъ въ иностранскіе города, за далекія моря, свой товаръ попродалъ, чужой набушилъ. Дочерямъ купилъ, первой дочери гостинецъ, золото кольцо на мизинецъ, другой ласку, золоту парчеву повязку, третьей дочери обновку, шелковый платокъ на головку. Хочеть домойѣѣхать, вдругъ вспомнилъ:—Жена просила привести диво.—Гдѣ я возьму? надо сыскать!—Идетъ по улицѣ; навстрѣчу ему человѣкъ: на всемъ кафтанѣ на округъ мѣста нѣту, куды перстикомъ ткнуть, все кругомъ заплатки.—Здравствуй,—говорить Московскій купецъ!—Здравствуй, господинъ заплаточникъ!—Когда домой путь держишъ? Да вотъ совсѣмъ собрался, да жена просила привезти къ ней диво!—По городу хожу, его ищу:—Да,—говорить,—вамъ нужно?—Какже, говорить,—нужно! — Ну пойдемъ ко мнѣ! Пошли они, пришли въ его домъ, поклоны иконамъ отдали, поздоровались.—Ну, говорить,—что, жена? ужна готова?—Какже, готова.—А гуся на жаркое жарила?—Какже, жарила!—Ну сядемъ за столъ!—Сяли за столъ, поужнали. Приносятъ гуся на желѣзвой сковородѣ, а гусь не рушеной, а гусь не кроеной—только шерсть то на немъ нѣту.

Взялъ хозяинъ ножичокъ, въ разныхъ мѣстахъ искрошилъ его, положилъ на сковороду.—Ну, говорить,—гостю: «ты»—Гуся то ѿши, косточки обѣѣдай, а косточки не ломай, самъ на столъ всѣ клади!»—Ну хорошо. Сѣѣли они гуся всего, косточки на столъ положили.—Ну, говорить, ты хотѣлъ диво,—вотъ тебѣ диво!—А! — говоритъ московскій купецъ,—какое это диво? У насть самихъ кормлёнки много. Бывають гуси на Святой Руси!—Нѣть,—говорить,—бывають гуси и гуси!

Сдѣрнуль онъ скатерть за углыекъ, косточки на полъ сбросилъ, гусь закричалъ, да пошелъ.—Охъ,—говорить,—вправду это диво, нельзя-ли мнѣ купить?—можно!—говорить! — А чего стоитъ? — Триста рублей.—Вынуль этта московской купецъ девыги, расплатился.—Ну! говоритъ заплаточникъ, господинъ гусь! Вотъ тебѣ новый хозяинъ! ты за нимъ иди! Чего станеть приказывать, ты слушайся!

Ну хорошо. Пошелъ московской купецъ домой, гусь за нимъ. Пришелъ домой, на утро встали, пали на карабъ, побѣжали. Пришелъ купецъ домой, дочерямъ отдается подарки, женѣ ничего.—Ахъ,—говорить жена—другъ любезной, ты какъ маѣ ничего не

привезъ? — Нѣть, — говорить — ты просила привезти тебѣ диво — вотъ тебѣ диво. — Это какое диво. — Гусь? У меня самой кормленки много. Буваютъ гуси на святой Руси! — Нѣть! — Говорить, — буваютъ гуси и гуси!.. Что, — говорить, — печка горячая? — Только, говорить, истоплена! — Эй, — кричать, — гусь! ступай въ куть! Пошелъ гусь въ куть. — Эй, гусь! ложись на сковородку! Гусь сейчасъ ножки да крылышки свернула, лягъ. — Поставьте его въ цечку! — Поставили его въ печку, жена и говорить. — Ой, другъ любезнай! вѣдь онъ съ шерстью, будегъ стѣ него смрадъ! — Не твоя забота! — говорить — никакой смрадъ не будетъ!

Сяли обѣдать; пообѣдали. На послѣдяхъ говорить: — «принесите гуся!» Принесли гуся па желѣзной сковородѣ. Вотъ гусь некроеной, вотъ гусь нерушеной, только шерсть на ємъ нѣту. Взяль онъ ножичокъ, изрѣзаль гуся, по всѣмъ мѣстамъ. — Ну, — говорить гуся ъште. косточки обѣдайте, а косточки не ломайте, а всѣ на столъ кладите! — Шѣли они гуся, овь скатерь за углышеекъ со стола сдернула, гусь закричалъ да пошелъ; Жена въ ладушки захлопала. Правда, — говорить, — диво! да и великое даво! — Ну, — говорить, — гуся береги, да не всякому про него сказывай!

Ну ладно. А покамъ купецъ ъздилъ, былъ у этой бабѣ заведеної дружокъ. Купецъ въ лавку пошелъ, дружокъ на порогъ. Сяли они, стали разговаривать. — Ну, — говоритъ, — какой мужъ тебѣ гостинецъ привезъ? — Гостинца говорить не привезъ, а привезъ мнѣ диво? — А какое диво? — А вотъ — говоритъ, — ходить гусь. — Какое это диво? У насъ у самихъ кормленки много. Буваютъ гуси на святой Руси! — Нѣть, — говоритъ, — буваютъ гуси и гуси. А этотъ, — говоритъ, — гусь, самъ на сковородку ложится, самъ и жарится, послѣ ъды цѣлой буваеть! — Можно ли повѣрить товѣ? — говоритъ молодецъ! — никто не повѣрить! — Она увѣрять, она увѣрять. Онъ не вѣрить. — А ну, — говоритъ, — покажи, какъ это овь самъ на сковороду ложится, самъ и жарится, послѣ ъды цѣлой буваеть! — Вотъ она не долго думала, вышла на кухню. — Эй, гусь! — кричать, — ступай въ куть! — Гусь сидитъ. Въ другой разъ кричить: — Эй, гусь! — Ступай въ куть! — Гусь сидитъ. Въ третій разъ кричить: — Эй гусь! ступай въ куть! — Гусь сидитъ. — Оскорбилась она на гуся, схватила сковородникъ — рука прильнула къ шеѣ, руки къ сковороднику. — Ой — кричить, другъ любезнай! Чего-й-то стало; иди, отдѣляй руку! — Пришелъ молодецъ, стала отдѣлять и самъ прильнулъ! Кликнулъ своего холопа. — Иди! — Кричить, — отдѣляй руки! — Пришелъ холопъ и тоже прильнулся. Повернулся гусь, пошелъ на дворъ. Они уширатъся. Нѣть, братъ, не тутъ то было! Такъ и ташить. Вытащилъ ихъ на дворъ, потащилъ ихъ по улицѣ, близъ лавку дошелъ, закричелъ. Купецъ услышалъ. — Ой! — Говорить, — это мой гусь кричить! — Вышелъ, посмотрѣль, а гусь ихъ всѣхъ ташить — Гусь! — Кричить, — поворачивай домой! — Поворотилъ гусь домой, привель ихъ въ домъ, купецъ за нимъ. Дверь на запоръ. — Гусь! — кричить, — распусти! Сковородникъ упалъ и руки отстали. — Ну, молодецъ! Говорить купецъ — ты почему пришелъ? — Съ вами по-видаться! — Какъ это по-видаться? Ходишь ты безъ меня, какъ это чужія рѣдкости смотришь? — Вынула отъ плети, стала гостя охаживать, колотиль, колотиль, его отпустиль, за жену принялъся. Ее такъ угостили, что она три мѣсяца немогла. Съ той пары баба ужъ боялась гусю слова сказать.

Записана въ д. Каретовой на нижней Колымѣ отъ мѣщанина Михайла Кулдаря.

Морской поскакунчикъ.

Живали, бували старики со старухой. У нихъ два сына. Большой сынъ-отъ большой сталь. Отецъ заставилъ его топоръ точить. Тотъ топоръ точилъ, точилъ, брусь переломилъ. Брусь переломилъ; началъ отецъ его бить пальменнымъ¹⁾ ратовьемъ. До руки выломалъ ратовье. Этотъ сынъ его со злости меньшому братишку сталъ лучокъ, да тамарчикъ дѣлать. Лучокъ да тамарчикъ доспѣлъ. — Если ты тосковать станешь, этимъ лучкомъ да тамарчикомъ стрѣляй! — Самъ пошелъ. Шель, шель, долго-ли, ко-

¹⁾) Пальма, короткое копье.

ротко-ли, вечеръ сталъ. Меньшой парнишко заплакаль. Отецъ говорить: — Пошто плачешь? — Я, — говорить, — батъ¹⁾ тоскую. Батя куды ушелъ? Батя говорилъ: я далеко уйду, долго не буду. — Старикъ на старуху сказалъ: — Старуха, принеси мой дбуй! — Та принесла ему дбуй. Онъ надѣль дбуй, погонилъ сына. Гонилъ, гонилъ сына. Сынъ шель, шель, лѣсъ только сталъ, вышелъ на тундру. Старикъ вышелъ на тундру, на лѣсину послѣднюю попалъ, сталъ ревѣть, — у сына только пустой паръ видить, пустой паръ видить и сталъ кричеть: — Сынъ мой, воротись, воротись! Не ворачивасся, такъ хоть ты послушай! — Сынъ его остановился, сталъ слушать. — Ну, — говорить, на моро ты выйдешь, черезъ моро пойдешь, станеть моро ломать, станешь ты съ ледину на ледину скакать, по ту сторону мора дойдешь, только у тебя сила станеть, черна изъ-подъ нугра послѣдня ледина выплынет, на ніи какъ-нибудь скачи. Какъ-нибудь на ніи скачи, да говори: «Сто ледина, ледина, донеси мене до берегу!» Не бойся! Переи-дешь черезъ моро, выдешь на берегъ, хоть птишечка²⁾ прилетить, (в)се убивай, да ъшь, (в)се сладко будетъ; хоть кукша³⁾ прилетить, (в)се убивай да ъшь, — (в)се сладко будетъ. Не бойся, за моромъ олени по человѣччи баютъ.

Вотъ дослушалъ отца, пошелъ. Шель, шель, шель, шель, на моро вышелъ, че-резъ моро пошелъ, стало моро ломать. Сталъ онъ съ ледина на ледину скакать. Ледина на ледину скакалъ, скакалъ, скакалъ; обезсилился. Изъ-подъ нутра черна ледива выплыла; кое-какъ на ніи скакнуль. Стало ледину нажимать, да нажимать, на сухой берегъ вытолкало. Едва онъ вышелъ, то исъ весь перемокъ, лѣпать развѣшалъ, лежить самъ у огоньчика; (в)другъ птишечка прилетѣла. Лукъ онъ схватилъ, эту птишечку убилъ; эту птишечку убилъ, вытребилъ. На рожончикъ іи поставилъ. Жарилось, жа-рилось, кругъ роженчику пуста пѣна только осталась. Бросилъ роженчикъ, говорить: Птишечка, такъ птишечка и есь. Кава у ніи и исти-то? На умъ ему пало: отецъ на-казувалъ сто? Этотъ роженчикъ схватилъ, сталъ пѣну исти кругомъ роженчики, такая очутилась баранья грудина, жирная, только держись. Онъ поѣль и лежить, отды-хать. Прилетѣла ему кукша. Схватилъ онъ лукъ, стрѣлиль, ёё убилъ. Убилъ іи, вытре-биль; поставилъ опять на рожнѣ на жаркое. Самъ заснулъ. Пробудился: на рожнѣ такъ иихто нѣту, пуста опеть пѣна. Взяль, бросиль и говорить: чево іи исти-то? Ка-кая то ъда? — Лежалъ, лежалъ; на умъ ему пало опеть отцовскія рѣчи. Сталъ исти: (в)другъ очутился такой бараний бокъ жирной. Отдохнулъ онъ, высушился, собрадся, пошелъ. Шель, шель, услышалъ: люди бають, дѣвушки бають, — слышно. Одна и спра-вать: — Сестра, — говорить, — ты а йдѣ свою скобельну доску⁴⁾ покинула? — Я вотъ, — говорить, — на хребтѣ-тѣ покинула. — Друга-то у ніи спросила: — «Ты а йдѣ свой ши-вальной мѣшокъ⁵⁾ покинула?» — «Покинула я, — говорить, — подъ камнемъ. Этта вотъ!» — Онъ запалъ, смотрить. Увидѣль: вѣженочій табунъ идетъ. Выбралъ важенку хоро-шую, потянуль лукъ на ніи, стрѣлиль. Вдругъ заскакала. — «Йо, бокъ болить, о, бокъ болить у мене!» — Стрѣлолъ, убилъ іи. Взяль іи, опустиль, разбилъ, какъ слѣдуетъ, масо, развѣсиль къ огню, штобу подсохло. Жирное мясо развѣшалъ, которое, какъ могъ самому себѣ — штобъ поднясти, унести, подсушить, завязаль въ постелю, понесъ самъ себѣ на подорожни. Скоро сказка сказывается, между тѣмъ много дѣла минуется. Шель, шель, пріоблегчилась эта у него котомка. Услышалъ, люди слышно опять бають, муж-чины: — «Братъ, а ты а-йдѣ, — говорилъ, — свой лукъ покинулъ?» — «Я, — говорить, — вонъ за хребтомъ-тѣ покинулъ». — Братъ, а-йдѣ свой ты туль покинулъ? — Ну, я, — говорить, — вотъ это на долу-ту. — Онъ запалъ, глядить, караулить: какъ же люди идутъ, — православные, или хто? Увидѣль: бычій табунъ идетъ. Выбралъ жирнаго оленя и потянуль лукъ. Опеть заскакаль: — «Йо! бокъ болить, бокъ болить!» — Стрѣлиль,

¹⁾ Батя — старшій братъ.

²⁾ Мелкая птичка.

³⁾ Небольшая птица съ сѣрыми перьями, довольно часто встрѣчающаяся въ ко-лымскихъ лѣсахъ (ронжа).

⁴⁾ Доска, подкладываемая подъ шкуры при скобленіи.

⁵⁾ Мѣшокъ съ принадлежностями для шитья.

убилъ его. Опустилъ его; мясо, которое хорошое мясо, развѣшалъ его, какъ могъ подпясти, самъ себѣ. На край мора шель, вдругъ на моро рѣчка вышла. Перебродъ ему пигдѣ нѣту. И пошелъ онъ по этой рѣчкѣ, погонилъ эту рѣчку перебродъ искать. Недалеко по этой рѣчкѣ шель и увидѣлъ стоять двѣ вѣтки: одинъ каюкъ, друга вѣтка. Двѣ дѣвки ягоды собираютъ: одна воронья, другая князцовска¹⁾ дочь. Взялъ онъ отъ этой, отъ князцовской дочери ягоды чистыя, поѣль много, а у вороньей каки чисты будуть? Всѣ съ листами. Взялъ эту котомку свою, все въ вѣтку положилъ, гдѣ чисты ягоды; а гдѣ сметьеваты ягоды, тутока мясо маленько да жирокъ положилъ. Воронья дѣвка увидала съ лѣсинѣ.—«Сестра,—говорить,—морской скакунъ пришелъ, котору-то изъ насъ замужъ (въ)зясти хочетъ? Пойдемъ скорѣе домой»,—говорить.—Попшли онѣ домой; прибѣжали (къ)вѣткамъ.—Сестра,—говорить:—воронья дѣвка,—чего у тебя (въ)вѣткѣ есть? У меня,—говорить,—нихто нѣту. Ну,—говорить,—сестра, видно меня замужъ взясти хотеть морской скакунъ, што менѣ (въ)вѣтку положилъ жиръ да мясо. Вотъ на проходъ погребли домой. Тотъ за ними бѣжалъ, шель, шель, само на эвой-тѣ сторонѣ тутъ домы-те, онъ пришелъ, князцу прамо вошель. У князца одна дочи и три сына и онъ со старухой, князецъ-то. Эта дѣвка на проходъ бѣду постелю возлѣ себя постелила и посадила жениха. Эта воронья дѣвка пришла, сяла возлѣ жениха, возлѣ этого. Та іп (въ)зяла, выпинала.—«Уди,—говорить, воронья дрыстунья, ты все мѣсто обгадиши!»—Та ушла. Жили, жили. Этотъ отецъ вороньей дѣвки, какъ бу, это обиду отворотить, дочерь что есть изженѣли, князцовскому зятю говоритъ:—Пойдемъ охотничать за птицой, птицу промышлять.—Тотъ сказалъ ему:—Я,—говорить,—(въ)чемъ пойду? У меня вѣтка нѣту.—Тесть-то ему и сказалъ, князецъ:—Да вотъ есть вѣтка; возьми,—говорить,—поди съ нимъ. Онъ хочетъ испытовать твоё удачество да....—Ну, вотъ пошли они. А гдѣ стадо найдутъ, это князцовской зять крупняковъ-то и убивать гусей. А этотъ воронъ все гагарленковъ гонять, цыпленочековъ. Тотъ вѣтку полонъ какъ наубиваль князцовской зять-отъ, возвратился назадъ. Пришелъ, эту птицу всю вытаскали. Тоже этотъ воронъ пришелъ. Ну, гагарленковъ, цыплениковъ наубививаль, да тѣ унесутъ домой, да (въ)пазухѣ назадъ принесутъ опеть (къ)вѣткѣ. Это воронья дѣвка-то. Тѣ взяли птицу вытеребили, всю ей тамъ насушили. Ночь какъ стала, эта воронья дѣвка съ матерью стали шерсть таскать съ улицы-те. Эти перья (въ)съ убрали съ улицы.

Люди заходили. Этотъ воронъ и хвастать и говорить:—Князцовской зять страшной кислякъ!²⁾.—Я,—говорить,—полонъ вѣтку набиль, а онъ,—говорить,—насили на ъду-ту. За этого кислика я бу и дочерь не даль замужъ.—Князецъ на это ничего не говоритъ, не скорбится, и ничего, знать, што онъ этакой удалой. Ну и сказалъ зятю.—Ну,—говорить,—зять, пора тебѣ отцу матеръ идти.—Ладно!...—говорить.—По утру стану собираться.—Утромъ просныватся, слышно на дворѣ, чего-то какъ погода шумить. Вышелъ-да, огромной табунъ оленей. Это ему тесть отъ зятю даль съ невѣсткой кочевать, пригонили оленей. Покочевали они со женой. Вотъ эдакую даль,—сказалъ къ ней.—До камня докочуй до этого, а тутъ почуй.—Ну, докочевала до этого камня. Выгребла мѣсто, поставила руйту. Сама волчицей обернулася, ударилась объ сырь землю и вернулась домой по огонь. Огонь-отъ не буль,—у мужа огниво-то. Пришелъ онъ,—огонь у ней горить. Сумлѣвается: огнива нѣту, откуль же огонь (въ)зяла? Ночлегъ этотъ прошелъ, мужъ ничего не сказалъ. Утромъ стали, опеть покочевали. Кочевали, кочевали. Какъ съ полудня своротить, сказалъ:—Поди вотъ (въ)это мѣсто докочуй, да тутъ почуй.—Та покочевала, въ томъ мѣстѣ стала, ночлегъ выгребла, руйту поставила. Какъ руйту поставила, ударилась объ сырь землю. обернулась волчицей, убѣжала на ночлегъ опеть ис-огонь. Тотъ пришелъ, ужъ у ней и огонь горить. Мужъ на это досадился, откуль же она, усумлился, огонь беротъ? Хто ей, люди ходятъ, или какъ?—Ну,—сказалъ къ ней,—вотъ кочевать,—говорить,—станешь, тепера на моро выдемъ; по мору покочуемъ. По мору недалеко откочуй, да тутъ почуй. Самъ

¹⁾ Князецъ—родовой староста юкагирского или ламутского рода.

²⁾ Кисликъ—лѣнивый человѣкъ, худой охотникъ.

поѣхалъ попередь да и запаль тамо-ка.—О-что же огонь кладеть къ ней?—Сталь ка-роудить. Та прикочевала, мѣсто выгребла, руйту поставила. Обернулася сама волчицей и побѣжала назадъ по огонь: головешку схватила и бѣготь. Вотъ выдернуль онъ стрѣлу и направился, чтобы еї убить. Она если эдакъ, дакъ и мене погубить. Стрѣлилъ іи, она головешку бросила и назадъ дралася. Не стала (жить), убѣжалася, отцу, матери. И одени всѣ за неё убѣжали, табунъ весь. Самъ отцу ушелъ. Отецъ ему говорить:—А—йдѣ баба?—Она говорить,— я еще опасенъ, она меня съисть-ли чего-ли. Я іи хотѣль убить, она назадъ убѣжала. — Отецъ его назадъ послалъ.— Твоя мати,— говорить,— эдакая же буда, а я еѣ это привель. Дома ничего у неё стало. Я откуль же твою матерь досталъ. Ты пошто стала убивать? — Пошелъ назадъ.

Пришелъ онъ назадъ туды, этому князцу... Сяль возлѣ невѣсты; невѣста скочила, убѣжала.— Почеко,—говорить,—ты пришелъ? Ты,— говорить,— меня убить хотѣль!— Большой братъ сказалъ:—Э,— говорить, чего! То,— говорить,— я все это дѣлалъ, то есть, стобу онъ тебе хотѣль убить, для това дѣлалъ больше, стобу сестру посмотрѣть. Если такъ, мнѣ больше сестру не увицѣть за моромъ,—намъ не дойти. Она на это смѣло-сердилась, пустила его опеть. Переночевали и опеть назадъ покочевали. Если ужъ чего дѣлать, онъ ужъ и не шевелитъ. Эта обертывается волчицей, по огонь бѣгать, не шевелитъ ужъ іи. Такъ и отцу прикочевали. Съ тѣмъ у нихъ и конецъ.

Записано на урочищѣ «У двухъ високъ» на р. Большомъ Анюѣ отъ обруса слаго юкагира *Митрофана Татаринова*.

Сообщено **В. Богоразомъ**.